

П. С. Гуревич¹

ИДЕНТИЧНОСТЬ: УТРАТЫ И ОБРЕТЕНИЯ

Феномен глобализации, прошедший мировой кризис радикально преобразили процессы национальной и культурной идентификации. Вместе с тем изменились представления о глобализации как социальном феномене. Разумеется, речь все еще идет о доминировании рынка и неолиберальных формах демократии. Не оспаривается господство транснациональных корпораций в различных сферах жизни — от экономики до культуры. Все еще обсуждается однополярность мира и раздаются призывы к многополярности. Глобализация по-прежнему активно влияет не только на экономику и политику, но и на культуру, образ жизни и образ мыслей. Мировой кризис подтвердил реальность общепланетарных тенденций.

За последние годы произошли огромные сдвиги в геополитике, кризис обнажил кричащие противоречия современного мира и самого процесса создания общепланетарной цивилизации. Представление о схождении всех культур в некое единое цивилизационное пространство не выдержало испытаний. Вновь актуализировались давние проблемы философии культуры: может ли культурное воздействие одной страны на другую внести ощутимые перемены в исторический процесс? Каковы последствия духовной экспансии «активной» цивилизации для менее «динамичного» региона? Стираются ли в процессе социальной динамики культурно-цивилизационные признаки народов и эпох или, напротив, они обнаруживают стойкость под напором чужеродных влияний? Обсуждение этих вопросов в философии имеет давние традиции. Но сегодня в условиях кризиса они обрели особую актуальность.

Эксперты все чаще приходят к убеждению, что именно духовные черты, социокультурные признаки конкретного общества или даже целого региона, например Европы, накладывают отпечаток на социально-историческую динамику. Широкое распространение получает в философской литературе идея о том, что адекватно «схваченное» ядро культуры, пронизательное постижение ее ценностно-смыслового содержания, особенностей могут содействовать прогрессу общества и, в конечном счете, всего человечества. Напротив, искаженное или поверхностное понимание сущности духовного наследия, его специфики способно породить мучительные кризисные процессы.

¹ Заведующий сектором истории антропологических учений Института философии РАН, доктор философских наук, доктор филологических наук, кандидат исторических наук, профессор. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч. 20 монографий: «Философское толкование человека», «Психоанализ личности», «Философская антропология», «Философское постижение человека» и др.; ряда вузовских и школьных учебников: «Человек. 9 класс», «Обществознание. 10 класс», «Обществознание. 11 класс», «Основы философии», «Философия: учебник для психологов», «Религиоведение», «Психология чрезвычайных ситуаций», «Политическая психология», «Философская антропология», «Психология личности», «Психология рекламы: историко-аналитическое и философское содержание», «Культурология», «Эстетика» и др. Главный редактор научных журналов «Философия и культура», «Психология и психотехника», «Филология» и др. Профессор социологии Калифорнийского университета. Действительный член РАЕН и Нью-Йоркской академии наук.

Современные культурные события свидетельствуют о распаде вековых идентичностей. Расшатались прежние оценки самоидентичности. Выявились новые подходы к мозаичной культуре. Обострилось стремление более основательно обозначить «почву и судьбу» разных стран, материков, цивилизаций. Понятие идентичности стало утрачивать стойкую определенность. Обозначилось стремление усмотреть во множестве культурных вариаций различные идентификационные рамки. Заговорили о потоке идентичностей. «В результате меняется направление транскультурационных процессов, установившихся еще в эпоху Ренессанса и просуществовавших на протяжении всего проекта модерны. В данном случае под транскультурацией имеется в виду не одна, а несколько культурных точек отсчета, пересечение многих культур, постоянное курсирование между ними и особое состояние культурной промежуточности — “не там и не здесь” или “и там, и здесь”. Транскультурация основана на культурном полилоге, который не ставит целью полное слияние или полный культурный перевод. Здесь культуры встречаются, но не сливаются, не ассимилируются, не расплавляются»².

Век спустя после «Заката Европы» вновь актуализируется проблема европейской самоидентичности и судьбы западной культуры в целом. Известный философ Юрген Хабермас в книге «Расколоченный Запад»³ размышляет о том, что сама идея европейской идентичности — вечный сюжет европейской философии. Но чем характеризуется духовный облик Европы? Речь идет не о географическом, пространственном понятии, как если бы всю совокупность людей, обитающих на данной территории, можно было бы охватить понятием европейского человечества. В духовном смысле к Европе относились английские доминионы, Соединенные Штаты, но не эскимосы или индейцы, и не цыгане, длительное время странствующие по всей Европе.

Несомненно, что название «Европа» обозначает общность жизни и творческой деятельности, включая цели, интересы, заботы, тревоги, планы, институты, учреждения. Внутри этой общности отдельные люди действуют на разных уровнях в разнообразных социальных группах, семьях, родах, нациях. Они тесно связаны духовно. Так рождается некий связующий характер культуры. Но почему сегодня эта проблема оказывается особенно актуальной? Какие события мировой истории заставляют вновь вернуться к этой теме? Юрген Хабермас усматривает в европейской идентичности некое коварство. О чем речь? Когда люди объединяются, это вовсе не означает, что так надо. Нередко слияние стран или народов оказывается необязательным или попросту ложным. Насколько с этой точки зрения адекватен образ мирной Европы, которая пози-

² Тлостанова М. В. Человек в современном мире: проблемы множественной идентичности // Вопросы социальной теории. Человек в поисках идентичности: науч. альм. / под ред. Ю. М. Резника и М. В. Тлостановой. М., 2010. С. 211–212.

³ Хабермас Ю. Расколоченный Запад. М., 2008.

ционирует себя как открытую для других культур, способную к диалогу?

По мнению Хабермаса, европейские государства всеобщего благосостояния сегодня играют огромную роль в качестве образцов и моделей социального устройства. Особенно значим опыт «укрощения капитализма». Но эта политика имеет свои пределы. «Дискурс, начатый в масштабах Европы, необходимо задает направление, стимулирующее процессы самопонимания»¹. Этому смелому предположению противоречат, по-видимому, два факта. Первое. Не привели ли самые значительные исторические достижения Европы, их всемирное признание к тому, что она утратила свою силу, создающую идентичность? Второе. Что должно объединять изнутри такой регион, где, как ни в каком другом, не прекращается соперничество множества сознающих себя наций?

В свое время Э. Гуссерль тоже ставил вопрос о том, что такое «духовный облик Европы». Может быть, это некая философская идея, которая пронизывает всю историю Европы? И не исключено, что это конкретное учение о предназначенности Запада, который на основе идей разума хочет строить свою историческую жизнь? Или это, наконец, просто набор неких ценностей, которые родились именно здесь, в Европе, и позволяют людям ощущать свое родство? Если проследить исторические связи, то непрерывность хода истории поведет нас от немецкого народа к соседнему, от народа к народу, от эпохи к эпохе? В конце концов, оказавшись в Античности, мы будем последовательно идти от римлян к грекам, египтянам, персам. Дорога к предыстории станет бесконечной. Мы непременно окажемся в каменном веке и будем размышлять, что заставило множество человеческих и культурных типов слиться воедино.

Что же, по мнению Хабермаса, из европейской культуры распространилось на другие континенты? Христианство и капитализм, естествознание и техника, римское право и Кодекс Наполеона, гражданско-городская форма жизни, демократия и права человека, секуляризация государства и общества. Выходит, эти достижения не являются сегодня исключительно европейской собственностью. «Западный образ мышления, коренящийся в иудео-христианской традиции, имеет определенные характерные черты. Но и этот духовный облик, отмеченный индивидуализмом, рационализмом и активностью, европейские нации разделяют с нациями Соединенных Штатов, Канады и Австралии. Короче, Запад как духовный центр охватывает больше, чем Европу»².

Но как все-таки ощутить, что мы у себя дома? Может быть, вчувствоваться, например, в историю Индии с ее многочисленными народами и культурными формами? Там тоже единство семейного родства, однако чуждого нам. Со своей стороны индийцы ощущают нас чужаками, признавая своими только друг друга. В Европе есть нечто уникальное, что ощущается не только нами, но и всеми другими группами человечества.

Концепция глобализации поначалу воспринималась повсеместно как чисто аналитическое обозначение ре-

альных процессов, происходящих в мире. Однако уже в начале нового столетия этот термин приобрел характер эмоционально окрашенной политической установки. К слову сказать, иначе и быть не могло. Действительные социальные феномены с трудом ложатся под конкретные доктрины. Ведь мир разделен на национальные государства, отношение которых к глобализации приобретает несколько значений и служит нескольким целям. Некоторые исследователи толкуют о том, что не существует больше национальных правительств. А нации как тяжкий груз прошлого остались. Однако одни государства безоговорочно принимают глобализацию, другие пытаются обосновать, какой на деле она должна быть, а третьи вообще против этого процесса. Национальная специфика обнаруживает себя уже на уровне политики.

Сталкиваясь с глобалистскими тенденциями, локальные культуры неизбежно стараются перекодировать унифицирующие факторы на собственный лад. Так рождается феномен «японизации» или «тайванизации» традиционной китайской культуры, «африканизации» или «исламизации» западной культуры (в ЮАР или Алжире). Ту же самую миссию выполняют знаменитые телевизионные сериалы, индийские или бразильские. Поэтому на самом деле важно осознать, насколько глубоки те или иные измерения глобализации, какова реальность тех или иных культурно-исторических тенденций.

В наше время окончательно определились крупные массивы человечества — цивилизации. Среди них, например, атлантическая (в которую входят Западная Европа и Северная Америка), иберо-латиноамериканская, исламская, азиатско-тихоокеанская, африканская... Так оценивал современную ситуацию недавно ушедший из жизни С. Хантингтон. Однако насколько правомерно говорить также и о евразийской цивилизации как культурной и исторической общности народов, населяющих огромные пространства от Карпат до Камчатки и от Памира до Арктики?

Исторический опыт свидетельствует: при распаде цивилизационного ядра возникают чрезвычайно мощные геополитические цепные реакции, которые в корне меняют облик данной части человечества. В начале 1970-х годов группа членов Римского клуба сделала специальный доклад о том, как внутренне сопряжены друг другу различные религии. Заговорили о грандиозных кросс-культурных контактах, о поисках межрелигиозного вселенского диалога. Но завершилось все это совершенно иным предположением: именно религии ведут к размежеванию человеческого рода, а возможно, и к смертельному противостоянию. Ядро конкретной культуры обладает внутренней устойчивостью. Оно с трудом поддается переплавке. Французский постмодернист Ж. Бодрийяр по этому поводу отмечает, что алакалуфы с Огненной земли были уничтожены, так и не попытавшись ни понять белых людей, ни потолковать с ними. Они называли себя словом «люди» и знать не хотели никаких других. Белые в их глазах даже не несли в себе различия: они были просто непонятны. Ни богатство белых, ни их ошеломляющая техника не произвели никакого впечатления на абори-

¹ Хабермас Ю. Указ. соч. С. 43.

² Там же. С. 44.

генов. Они не восприняли ничего из этой техники. Они продолжали грести в своих челноках¹. Но если говорить об общей тенденции, то нет уверенности в том, что уничтожение самобытности алакалуфов не станет фатальным и для белых. Культуры живы своим своеобразием, своей исключительностью, непреодолимостью своих ритуалов и своих ценностей.

Еще в 1990-х годах Ж. Бодрийяр указал на угрожающую историческую судьбу африканского материка. Все другие континенты оцениваются обычно как совокупность стран. Но как раз Африка воспринимается как единая страна. Это удивительно, особенно если учесть, что в Африке сегодня существует 55 государств и еще 4 непризнанных. Бодрийяр писал о том, что в результате транскультурных процессов идея свободы может проникнуть в африканские страны. Вообще, по его предостережению, если страны Востока приведут в движение весь огромный запас свободы, который они удерживали, то это будет чревато катастрофой, а главное — нарушит метаболизм ценностей Запада². Собы-

тия, которые разворачиваются сегодня на африканском континенте, подтверждают этот прогноз.

В 2000 году впервые в истории человечества мусульмане превзошли численностью католиков. Теперь футурологи выстраивают свои прогнозы уже не всегда по лекалам глобализации. Они отмечают, к примеру, возможность такой перспективы человечества: радикальные исламисты создают транснациональное теократическое сообщество. Весь неисламский мир объявляется «врагом халифата». Против него начинается террористическая война. Процесс глобализации не только приостанавливается, но и начинает размываться. Мусульманские страны вносят смуту в страны Европы.

Итак, в век глобализации полная безопасность и тотальная оборона недостижимы. Хотим мы этого или нет, но нам придется пройти серьезную школу, «просвещающую» нас относительно «иных ценностей». Политики должны позаботиться о том, чтобы народы смогли жить в условиях нового цивилизационного противостояния.

¹ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2006. С. 198.

² Там же. С. 142.